

«Я женат и счастлив...»
/ Урок Пушкина-семьянина молодёжи /

Выступление
заместителя директора
по научно-методической работе
муниципального образовательного учреждения
дополнительного образования детей
«Пушкинская школа»
г. Новомосковска Тульской области
Натальи Яковлевны Бородиной
на Международном образовательном форуме
«Глинские чтения»

Троице-Сергиева Лавра
(Московская Духовная Академия)
27 июля 2009 г.

Иоанн Златоуст предупреждает: «Не столько заботится диавол о том, чтобы грешили, сколько о том, чтобы не видели греха...».

В самом деле, кто сегодня видит грех в том, что

- не испросил благословенья родителей на женитьбу или замужество? – практически никто!

- в том, что ограничился получением свидетельства о заключении брака в государственном учреждении, а не стоял под венцом, не познал таинство венчания? Мало кто.

- осознают ли греховность свою те 50-60 % вступивших в брак новомосковцев, которые потом этот брак расторгают?!

- массовым явлением стал так называемый «гражданский брак» (вот уж где слово «брак» сохраняет сразу оба свои смысла: не только «супружеские отношения», но и «нечто с изъяном, недоброкачественное, испорченное»!)

Сегодняшний просветительский разум, увы, запамятовал искони заповеданные православием истины, связанные с супружескими отношениями. А между тем семья, её правильное устройство, её сохранение – дело не только судьбоносное и для человека, и для общества в целом («прочна семья – прочна держава!»), но и сакральное, святое, заветное.

Это важнейшее условие сохранения нации! Важнейший «инструмент» спасения!

Недооценка необходимости серьезного отношения к браку, если хотите, – это один из наипервейших «пусковых механизмов» всех сегодняшних катаклизмов, катастроф, кризисов. Экономических, политических, социальных... Каких угодно. Ибо сначала все рушится внутри человека. А потом – лавинообразно! – вокруг него.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в одном из своих первых интервью, отвечая на вопрос об экономическом кризисе, сказал следующее: «А вы вспомните значение слова «кризис»: в переводе с греческого языка оно означает «суд». Суд Божий! Суд Божий, обнаруживающий глобальную человеческую неправду. Неправда эта выражается в забывании человеком главных человеческих ценностей!..». Больше всего сегодня нас должно волновать состояние душ людей, их нравственный и духовный облик, их духовно-нравственное здоровье.

Не случайно среди многих банальных слов о Пушкине, прозвучавших на так называемых «главных выборах страны» – телепроекте «Имя Россия» – прозвучало несколько раз и слово истины – заветное слово «здоровье». Пушкин – это здоровье!

Бороться с тьмой (в нашем случае – с забыванием, с непониманием, что семья есть важнейшая из человеческих ценностей и важнейшее условие сохранения нации), по крайней мере, бесполезно. Нужно вносить в нашу жизнь Свет. И тьма сама исчезнет. Нужно зажигать маяки, указывающие путь, спасающие во тьме.

Именно таким путеводным маяком (применительно к ведомому сейчас разговору) способна послужить семейная жизнь человека, которого мы

называем «сердечным средоточием» нашей культуры, – семейная жизнь Александра Сергеевича Пушкина.

Думается, что когда замечательный русский философ Иван Александрович Ильин, говоря о Пушкине, утверждал, что «иметь такого поэта и пророка – значит иметь Свыше великую милость и великое обетование», он имел в виду не только творческое наследие этого «поэта-Богоносца», но и уроки, преподанные нам жизнью Александра Сергеевича. В том числе и его семейной жизнью.

У одного из современных пушкиноведов читаем: «Пушкинская семейная жизнь уже даже только в ряду наших самых высоких сфер литераторов явила чуть ли не единственный пример нормальной, даже идеальной семейной жизни. Его дом, его семья – в принципе, в сути, в самой себе – редкостно счастливая». Это была многодетная, сплочённая семья, в основании которой лежали любовь и взаимопонимание.

Этим обстоятельством, детьми своими наш поэт гордился едва ли не больше, чем своими творческими достижениями. Послушайте, сколько неподдельной радости и оптимизма звучит, например, в таких строках его письма к «благоприятелю» П.В. Нащокину: «... Моё семейство умножается, растёт, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».¹

И будет очень правильным, благим деянием попытка педагога поразмышлять вместе с детьми, почему. Попытаться извлечь уроки, которые нам дал Пушкин – семьянин.

Первый и, наверное, самый главный из этих уроков он дал нам уже самим выбором супруги!

Выбрав прежде всего...мать своим будущим детям!

Как он разглядел это в шестнадцатилетней девушке, почти девочке, невозможно понять. Чутьё гения! И ведь не ошибся: Наталья Николаевна стала прекрасной, образцовой, говоря пушкинским языком «добродетельной» матерью (т.е., по Далю, «обладающей всякими похвальными качествами души», высоконравственной!) По современным меркам – матерью-героиней! И уже одно то, что все семеро (четверо детей Пушкина и трое Ланского) её детей остались живы, говорит о её материнском необыкновенном даре. Ведь в пушкинское время дети очень часто (в большинстве своём!) умирали. Вспомним о том, что из восьми детей Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных (родителей великого поэта) выросло только трое: Александр Сергеевич, его старшая сестра Ольга и младший брат Лев. Обе дочери А.С. Пушкина – «Машка» и «Наташка» родились и росли слабенькими. Вот, например, строки из письма Надежды Осиповны к младшему сыну: «Мари ...слабенькая, едва ходит, и у неё нет ни одного зуба. Она напоминает мне

¹ А.С. Пушкин. Письма: в 3 т. Т. III. 1832-1837. – М.: Захаров, 2006. – С. 400.

маленькую Софи (дочку, умершую в младенческом возрасте), не думаю, чтоб она долго прожила» (Мария Александровна прожила до 1918 года! До 86 лет!).

Одна из наших воспитанниц – автор работы «Верная супруга и добродетельная мать» /О Н.Н. Пушкиной-Ланской/ – сделала такое интересное наблюдение: «Над каждым своим ребёнком Наталья Николаевна была, как царица (мать князя Гвидона) из «Сказки о царе Салтане» – как орлица над орлёнком». Растить и воспитывать детей Наталья Николаевна считала своим «главным делом».

Пушкин дал нам урок своим выбором жены, выбрав прежде всего не внешнюю красоту (которую сразу увидели все, о которой многие писали, потому что Наталья Николаевна, говоря словами П.А. Вяземского, была «такая красавица, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать»), а красоту внутреннюю! Точнее, редкостное сочетание внешней и внутренней красоты.

Как раз этой зимой мы отмечаем юбилей судьбоносной для Пушкина и нашей отечественной культуры встречи – 180-летие первой встречи Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Гончаровой. Вспомним детали этого события. Вот как воспроизвела их одна из дочерей Натальи Николаевны: *«Ей только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились на бале в Москве. В белом воздушном платье с золотым обручем на голове, она в этот знаменитый вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нея глаз, испытав на себе натиск чувства, окрещенного французами любовью с первого взгляда. Слава его уже тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. **Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущая гению, - не то что сконфузили, а как-то придавили её. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врождённая скромность, столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила её в глазах влюблённого поэта**². (Выделено мною. – Н.Б.)*

Увидев подле себя знаменитого поэта, словно сошедшего к ней небожителя, в ореоле славы и всеобщей любви, смущённая его комплиментами, Натали Гончарова...опустила прекрасные глаза. И именно это естественное движение – естественное для чистой души, для кроткого, робкого существа! – сказало ему о главном. «Это она»!

Покорила Пушкина, привела к состоянию необыкновенного духовного подъёма, ликования, определённого им словами «я окован, очарован, огончарован», не только и не столько красивая внешность Натальи Николаевны, сколько редкие спутники этой красоты: чистота, естественность, кротость (Вспомним, что кротость – обязательное качество любимых героинь

² А. Арапова. Наталья Николаевна Пушкина – Ланская. К семейной хронике жены А.С. Пушкина. – М., 1994. – С. 27.

пушкинских сказок. Каждый из нас с детства помнит чарующую «характеристику» прекрасной безымянной героини «Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях»: «Белолица, черноброва, нраву кроткого такого!»).

Наталья Николаевна оправдала светлые надежды и самого Пушкина, и самых мудрых из его друзей. Например, Екатерины Андреевны Карамзиной, в таких замечательных словах поздравившей Александра Сергеевича с женитьбой: *«Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, что бы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги...»*³

Александр Сергеевич называл Наталью Николаевну «ангелом кротости и красоты», часто и очень проникновенно говорил о необыкновенных душевных качествах своей жены: кротости, чистоте, доброте... Так, в августе 1834 года (через три с половиной года после женитьбы) в письме к теще Наталии Ивановне он пишет: *«Поздравляю Вас со днём 26 августа; и сердечно благодарю Вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, кроткое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».*

А вот его строки из письма к самой Наталье Николаевне: *«Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я ещё более твоего лица».*

Пушкин не просто ценил и любил душу Натальи Николаевны – он именно это – христианский облик своей жены! – считал для себя бесценным даром Небес. Именно этим чувством – пониманием продиктована процитированная строчка о том, что он «ничем не заслужил перед Богом» такую жену, как Наталья Николаевна.

Это не просто признание – это признание покаяние.

Мужчина по имени Александр Сергеевич Пушкин отнюдь не отличался целомудренностью, его добрачные любовные отношения с женщинами, увы, нельзя назвать добродетельными, соответствующими христианскому благочестию. (Достаточно вспомнить о его знаменитом «дон-жуанском списке» или о том, что в письме к В.Ф. Вяземской он называет Наталью Николаевну своей «сто тринадцатой любовью»). Не случайно во многих своих богооткровенных стихотворениях Пушкин горько оплакивал свою внутреннюю нечистоту, каялся в ней. И упоминанием об этом отнюдь не наносится оскорбление его памяти, «ЯКО НЕСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ИЖЕ ЖИВ БУДЕТ И НЕ СОГРЕШИТ».

³ (Цит. по: Черкашина Л.А. Пушкин и Натали/ Л.А. Черкашина. – М.: Алгоритм, 2007. –С. 132.)

В жёны себе, матерью детей своих он выбрал женщину чистую, смиренную, способную на самозабвение и самопожертвование – истинную христианку!

Одному из самых авторитетных отечественных литературоведов – Н.Н. Скатову – принадлежит мысль, которую кратко можно было бы выразить такими словами: Наталья Николаевна обратила душу Пушкина к Богу.

Не нравочениями (стал ли бы он их выслушивать!), но собственным примером: искренней любовью ко Христу, исполнением Его заповедей.

«*Суета сует, всё только суета, кроме любви к Богу...*»⁴ – так она писала. Так говорила. Так чувствовала.

И если поначалу любящий супруг выговаривал своей «жёнке», что та слишком ревностно молится («...целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и в лихорадке»; «Не стой на коленях»...), то потом сам просил её о молитвах и горячо благодарил за них: «*Благодарю за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас*».

Более всего Наталья Николаевна огорчалась, когда покойного мужа обвиняли в неверии, в безбожии. Она лучше других знала его душу!

А. Арапова (дочь Натальи Николаевны от второго брака) вспоминает: «*Мать всегда глубоко возмущалась всякими намёками, а иногда даже утверждениями о его атеизме. Он не раз не только сожалел, но прямо скорбел о легкомыслии, которому поддался, сочинив свою «Гаврилиаду», и приходил делиться с ней радостью, как только ему удавалось сжечь хранившийся у кого-либо из друзей экземпляр*».⁵

Сегодня, по счастью, только невежда может приписать Пушкину неприятие христианских ценностей и усомниться в глубине и искренности его веры.

Одним из бесспорных свидетельств повседневной духовной жизни Александра Сергеевича являются его письма к жене, практически в каждом из которых он благословлял её и детей, поздравлял её с православными праздниками:

«Благословляю тебя и детей»;
«Прощай, жена, целую и благословляю Вас»;
«Благословляю всех вас, детушки»;
«Поцелуй детей и благослови их за меня»;
«Прощай, Христос вас храни».

⁴(Цит. по: Черкашина Л.А. Пушкин и Натали/ Л.А. Черкашина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 251.)

⁵ А. Арапова. – Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. К семейной хронике жены А.С. Пушкина. – М., 1994. – С. 56.

Истоки глубокой веры Натальи Николаевны – в её детских годах на Полотняном Заводе. Кроме стоящей рядом с домом церкви (во имя Спаса Нерукотворного Образа), построенной ещё прадедом Натальи Николаевны, в самом доме была особая молельня, «образная». Кроме того, мать Натальи Николаевны часто отправлялась с детьми в Тихонову пустынь, находившуюся в нескольких верстах. Наталия Ивановна каждый год ходила пешком на богомолье в Иосифо-Волоцкий монастырь и проводила в молитвах и посте до двух недель, делала в монастырь пожертвования и умерла в монастыре во время одного из поломничеств; у монастыря была и похоронена. Дочерей она воспитывала в согласии с православной верой и в строгости, как монастырских послушниц. Более всего пеклась о том, «чтобы сделать своих детей достойными Божьего милосердия».

Заглянем на минутку в записную книжку Таши Гончаровой, где ею были записаны «Правила жизни»:

«Никогда не иметь тайны от той, кого Господь дал тебе вместо матери и друга теперь, а со временем, если будет муж, то от него».

«Старайся до последней крайности не верить злу или что кто-нибудь желает тебе зла».

«Не осуждай никогда никого ни голословно, ни мысленно...»

«Никогда никому не отказывай в просьбе, если только она не противна твоему понятию о долге».

Наталя Николаевна и жила по этим правилам, жила как христианка: была очень внимательна к своим близким, очень любила детей, и не только своих («Бог посылает мне детей со всех сторон...»!), беспокоилась и хлопотала о знакомых и даже о незнакомых ей людях. Она жила любовью. Любовь была главным даром, данным ей Богом. Даром, по силе, может быть, не уступавшим пушкинскому гению.

Это была истинная любовь. Такая, о которой у Апостола Павла сказано: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит». (1 Кор 13, 4-8)

«Я была бы в отчаянии, если бы кто-нибудь мог считать себя несчастным из-за меня», – говорила она.

Истинные христианские добродетели не бывают показными («В молчании добро творится», – утверждал Пушкин). Наталя Николаевна была молчалива. Эту молчаливость в свете зачастую принимали за холодность, отсутствие ума, высокомерие. Она это чувствовала и искала утешения в молитве: «Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве. Эти минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединённом уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие,

которое часто раньше принимали за холодность и часто в ней меня упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».

И редкостной красотой своей Наталья Николаевна не гордилась, искренне считая её не собственной заслугой, но даром Свыше: *«...Если речь идёт о моей внешности, – преимущество, которым я не вправе гордиться, потому что это Бог пожелал мне его даровать...»*.⁶

Может быть, даже с большой полнотой, чем при жизни Пушкина, её лучшие качества проявились после его трагической гибели. Нельзя не поразиться тому, с какими необыкновенными кротостью и смирением она переносила горькие и несправедливые упрёки тех, кто обвинял её в смерти Пушкина. И молилась. Много молилась.

И ей ниспослано было утешение, – ежедневные беседы со священником Василием Бажановым.

Из письма П.А. Вяземского А.Я. Булгакову от 10 февраля 1837: *«Пушкина ещё слаба, но тише и спокойнее. Она говела, исповедовалась и причастилась и каждый день беседует со священником Бажановым, которого рекомендовал ей Жуковский. Эти беседы очень умирили её и, так сказать, смягчили её скорбь. Священник очень тронут расположением души ея и также убеждён в непорочности её»*.

Свидетельство поистине бесценное!

А вот ещё одно, – жены Вяземского Веры Фёдоровны, подтверждающее и усиливающее первое: *«В защиту жены (Пушкина. – Н.Б.) я только напомню вам то, что сказал отец Бажанов, который видел её каждый день после катастрофы...её тете: «Для меня мучение оставить её наедине с очищающим чувством собственной вины, потому что в моих глазах – она ангел чистоты»*.

Так сказал священник, которому внимали российские монархи! Ведь Василий Бажанов многие годы был главным священником царского двора и гвардии и духовным руководителем царской фамилии: ему исповедовались Николай I (в том числе перед смертью) и Александр II (Василий Бажанов принял в том числе последнюю исповедь его – накануне взрыва, унесшего жизнь государя), их жёны и наследники.

Царский духовник первым уверовал в непорочность Натальи Николаевны и на долгие годы стал её духовным отцом!

«Необычный и требующий глубокого осмысления факт, – подчёркивает Л. Черкашина, – духовное родство с царской семьёй произошло у Натальи Николаевны намного ранее, чем родство кровное! Именно протопресвитеру Василию Бажанову ещё при жизни своей духовной дочери суждено было связать её незримыми узами с царской династией. И только после кончины

⁶ (Цит. по: Черкашина Л.А. Пушкин и Натали/ Л.А. Черкашина. – М.: Алгоритм, 2007. –С. 274.)

Натальи Николаевны супружеские союзы внуков (её и поэта!) навсегда соединят фамилии Пушкиных и Романовых.

Наталья Николаевна была очень глубоким человеком. Александра Арапова вспоминает: *«...Весёлой я её никогда не видала. Мягкий её голос никогда порывом смеха не прозвучал в моих ушах; тихая, затаённая грусть всегда витала над ней. В злое январские дни она сказывалась нагляднее; она удалялась от всякого развлечения, и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе».*

И Господь давал ей силы жить дальше.

И не может не порадовать то, что для многих воспитанниц нашей школы Наталья Николаевна стала образцом для подражания. Так, четвероклассница Ольга Тимошкина пишет: «В нашей Пушкинской школе нам прививают любовь и уважение к Наталье Николаевне. У нас проводятся специальные посвящённые ей уроки, гостиные «Чистейшей прелести чистейший образец» в день её рождения (9 сентября). А 8 сентября, в день именин Натальи Николаевны (Натальин день), проводится конкурс «Натали». Каждая из участниц этого очень красивого конкурса мечтает получить титул «Грациозной, стройносозданной, мадонистой, богинеобразной Натали». (Такими восторженными словами охарактеризовал жену великого поэта наш земляк Василий Андреевич Жуковский). На конкурсе девочки танцуют, музицируют, представляют своё рукоделие и посвящённое Наталье Николаевне стихотворение».

А пишут в этих бесхитростных сердечных строчках девочки как раз о том, о чём мы только что говорили – о Наталье Николаевне как идеале женственности.

О, Натали! Из нежности и света!
И вмиг затихли звуки всех былых страстей
И сердце властно подсказало: «Эта!
Да, только эта – луч в судьбе твоей!»
В ней было что-то – красоты прекрасней,
Что говорит не с разумом – с душой!
В ней было что-то, что лишь в Неба власти,
Что выше и любви, и прелести земной!
(Марина Ларина, 7 класс)

Своим сияньем Натали
Соперниц бледный круг затмила.
И Пушкин понял, что в любви
Ему судьба одну хранила.
Он покорён был красотой

И христианским воспитаньем,
Впервые встретив на балу
Наташу – чистое созданье.

(Вера Кадина, 11 класс)

О Натали! О пушкинская Муза!
Вы были сказочно, небесно хороши!
Пою я гимн «прекрасному союзу»
В Вас внешней красоты и красоты души!

Женой любимую Вы стали для поэта
Прекрасной матерью его детей, потом печальной вдовой,
И только Вам известно, как непросто было это.
Вас назову я идеалом женщины земной!

(Галина Ларкина, 6 класс)

Давным-давно жила Она,
Очарования и прелести полна.
Пленила душу первого поэта
И для него была как лучик света.

Была достойною женой и мамой –
И самой доброю, и нежной самой...
Пройдут года, века – и будут девушки мечтать
Хотя б немного на тебя похожей стать!

(Екатерина Бокарёва, 6 класс)

Пушкин-семьянин дает нам урок не только правильным выбором жены, правильным подходом к этому выбору, но и мудрой серьезностью отношения к браку, понимая его прежде всего как *ответственность за судьбу другого человека, как самопожертвование*. «Я женюсь, то есть я жертвую (выделено мной. – Н.Б.) *независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствованиями без цели, уединением, непостоянством*», – писал он.

Семьянин не может и не должен быть эгоистом – учит Пушкин. В семье живет не каждый сам по себе и не для себя. «Я никогда не хлопотал о счастье – я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих...» (из письма к родителям от 3 мая 1830 года). «Жизнь моя будет отныне посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора...» (из письма к деду Натальи Николаевны Афанасию Николаевичу Гончарову). Но в том- то и заключается и суть, и мудрость семейной жизни, что, заботясь о счастье своего избранника

или избранницы, сам становишься счастливым! *«Я женат – и счастлив, – написал Пушкин вскоре после свадьбы П.А. Плетневу. – Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился».*

Переродился. Родился вновь. Или только тогда и родился, когда начал жить для счастья другого человека?! Ибо истинное счастье, истинное благо души – оно не в том, чтобы брать, а в том, чтобы отдавать! Эта христианская мудрость была сутью, духовным стержнем взаимоотношений супругов Пушкиных.

Считая свободу величайшей ценностью на свете, Пушкин при этом одну из несвобод радостно признавал – несвободу семейного человека, подчёркивая, что **«зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным»!**

В нескольких словах – вся суть, вся мудрость, вся философия семьи! Будь моя воля, я бы написала эти пушкинские слова – золотыми буквами! – на парадной стене каждого дворца бракосочетания и сделала бы эпиграфом каждого свидетельства о браке!

А для тех, кому эта мысль может показаться слишком сложной, написала бы рядом другие слова – попроще, но тоже пушкинские:

«Жена – не рукавица:
С белой ручки не стряхнёшь
Да за пояс не заткнёшь...»

Известно, что прототипом царевны Лебеди, которой принадлежат эти слова, была Наталья Николаевна.

Она очень серьезно относилась к браку и, словно бы вторя Пушкину, писала: *«...Замужество прежде всего не так легко делается, и потом – нельзя смотреть на него как на забаву и связывать его с мыслью о свободе...это серьезная обязанность, и надо делать свой выбор в высшей степени рассудительно»!*⁷

Единство взглядов Александра Сергеевича и Натальи Николаевны на брак определило то, что жили они «душа в душу». Не случайно в сохранившихся 78 письмах Пушкина к своей избраннице он постоянно использует местоимение «мы»: «с тобой вдвоем», «мы двое»..., к друзьям пишет: «жена моя и я».

Они были единым целым! были «союзом»! *«Союз двух сердец – величайшее счастье на земле», – утверждала Наталья Николаевна.*⁸

Ещё раз вспомним пушкинскую строчку, ставшую названием доклада: «Я женат – и счастлив». Больше всего в ней сказано не словами, а знаком препинания: стоящим посередине фразы тире. Ведь на месте тире прочитывается «следовательно»: «Я женат – следовательно счастлив».

⁷(Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. – С. 272-273.)

⁸ (Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. - С. 273.)

Семейная жизнь и счастье, по Пушкину, это одно и то же! Если ты женился – ты счастливый человек! Ни больше ни меньше!

Однако, истиной это утверждение способно стать лишь в случае, если спутник жизни выбран правильно и если у человека правильное (читай – очень серьёзное, соответствующее канонам православной веры) отношение к браку. И правильное понимание счастья.

Заметим, что для Пушкина в 1831 году (в год женитьбы) в слове «счастье» не заключалось романтического представления о «неземном блаженстве» или «убийственной страсти». Счастьем он называл тихую радость, простоту и покой домашней жизни.

Каждый раз, когда ему приходилось уезжать, Пушкин очень скучал по этой тихой радости: *«Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить...»*.⁹

«Это, пожалуй, одно из самых удивительных откровений поэта, – пишет автор книги «Пушкин и Натали» Лариса Черкашина. – Пушкину, великому Пушкину, окруженному столькими знаменитостями, умнейшими людьми своего века, скучно без нее, его Наташи!»¹⁰

Детальнее говоря о взглядах Пушкина на брак (мы узнаём о них из его писем к Наталье Николаевне) выделим еще две очень важных для него мысли:

первая – Александр Сергеевич считал, что семейная жизнь требует тайны:

«Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».¹¹

вторая – *муж и жена должны «ценить свой покой» и должны «уметь его себе обеспечить», для чего нужно жить самостоятельно, жить, «как хочется», а не «как тётки велят»*.

«Мое мнение, – писал Александр Сергеевич жене, решивший взять сестер к себе в Петербург, – семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не оберешься, и семейного спокойствия не будет».¹²

Очень поучительно и горячее и неременное желание и стремление Пушкина заручиться в таком серьезном деле, как создание семьи, помощью Свыще. Так, не могут не трогать до глубины души строки письма поэта к родителям, в которых он просит благословить его брак с Натальей Николаевной Гончаровой. Это сердечные строки мольбы и покаяния: *«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю*

⁹ (Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. – С. 276.)

¹⁰ (Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. – С. 276.)

¹¹ (Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. – С. 129.)

¹² (Цит. по: Лариса Черкашина «Пушкин и Натали», - М.: Алгоритм, 2007. – С. 162.)

остальную жизнь...прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость».

А вот что сказал Пушкин о благословении в романе «Капитанская дочка». Сказал устами Петра Гринева: *«Нас благословили...Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, – кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение».*

Кроме благословения родителей, венчанию Александра Сергеевича с Натальей Николаевной предшествовали еще две (по крайней мере) важные вещи: вместе с невестой и будущей тещей Пушкин совершил полонничество по московским монастырям, съездил на поклонение к чудотворной Иверской иконе и прошел через церемонию так называемого «брачного обыска». Жениха и невесту тоекратно «обыскивали», проверяя, не дали ли они ложных показаний. И подтвердилось, что:

1 – е – они православную веру исповедуют...

2 – е – плотского, кровного и духовного родства (т.е. кумовства, сватовства) не имеется...

3 – е – состоят они в целом уме и к сочетанию браком согласие имеют вольное,...

4 – е – лета их правильны, – жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали сущую правду».

Ещё и еще раз подчеркнем, что «и душа, и жизнь, и поэзия» А.С. Пушкина, по слову В.А. Жуковского, оказались «в выигрыше» потому, что поэт безошибочно, гениально выбрал спутницу жизни. Наталья Николаевна явила собою воплощение его давней мечты о прекрасной, верной, добродетельной подруге, о душевном приюте, о Доме (так – с большой буквы! – применительно к Пушкину писал это слово известный литературовед, пушкинист Ю.М. Лотман).

В мечте о своем Доме для Пушкина *«смыкалась тоска по тому, чего он был лишен с детства, – теплу родного гнезда, и глубокие теоретические размышления, убеждавшие его, что только человек, имеющий свой Дом, «крепок родной земле», истории и народу»*, – справедливо и мудро подчеркивает Ю.М. Лотман.

В 1834 году в плане продолжения стихотворения «Пора, мой друг, пора!» Пушкин записал: *«Юность не имеет нужды в at home <Доме>. Зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу – тогда удались он домой».* И дальше Пушкин формулирует свой жизненный идеал. *«О скоро ли, – восклицает он, – перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть».*

Закончить свое выступление мне хочется мудрыми проникновенными словами Ю.М. Лотмана: *«История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «самостоянье*

человека» превращают его в историческую личность. Чувство собственного достоинства, душевное богатство, связь с исторической жизнью народа делают его Человеком, достойным войти в Историю. Поэтому Дом, родное гнездо получает для Пушкина особенно глубокий смысл. Это святилище человеческого достоинства и звено в цепи исторической жизни. Это...место, где человек встречается с любовью, трудом и историей».

Пусть же у каждого из нас будет такое место – родной дом, семья, ведь это истинная, вечная, непреходящая ценность!